

Дидрахма с изображением льва на оборотной стороне имеет изображение человеческой (женской) фигуры с бычачьей головой, которая напоминает архаический образ Минотавра.

Возможно, что в этом отношении колхидская дидрахма была связана с мировоззрением древней Греции, где культ Минотавра и быка был так широко распространен¹.

На монетах древней Греции V—IV вв. до н. э. Минотавр обычно изображен стоящим на одном колене². На колхидских дидрахмах чудовище вроде Минотавра изображено стоящим на обоих коленях.

Изображение Минотавра сперва носило магический характер: образ его был связан с одомашниванием и разведением крупного рогатого скота в родовом обществе на Крите³.

Мы знаем, что колхи на стадии родоплеменного строя были известны как скотоводы, и магический культ и здесь мог иметь место.

Наше предположение подтверждается, во-первых, фактом изображения минотаврообразной фигуры на колхидских дидрахмах, а во-вторых—изображением бычачьей головы на мелких колхидках (рис. 4).

Что касается изображения льва и львицы на колхидских монетах (рис. 1, 2, 4), то в этом отношении наблюдается сходство с греческими малоазийскими монетами, так как лев как символ могущества был изображен на монетах Ионии, Кирены, Лидии, Вавилонии и пр.⁴.

Но если мы колхидскую монету с изображением льва по стилю и форме, по весу и технике чеканки сравним с греческими малоазийскими монетами, то найдем, что она имеет больше сходства с лидийскими статерами, на которых мы видим подобное изображение льва с открытой пастью⁵.

Эти статеры относятся к 558—554 гг. до н. э. Исходя из этого факта, можно предположить, что эти нэзого типа колхидские монеты с изображением льва и львицы тоже чеканились приблизительно в VI—V вв. до н. э.

С. Макалатия

Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г.

Основной задачей Саяно-Алтайской экспедиции ГИМ и ИИМК АН СССР в последние годы является изучение формирования хакасского и ойротского народов. Этой задаче были подчинены раскопки 1935 и 1938 гг. на Уйбатском чаатасе⁶, давшие ценный материал не только для археологов, но и искусствоведов и антропологов. Неожиданно открылась новая страница в истории искусства племен Енисея, богатая не только выразительной тератологической орнаментикой, но и образцами реалистической высокохудожественной скульптуры человека. Антропологи получили большую серию сохранивших портретную оригинальность изображений лиц древних насельников Енисея того периода, когда господство обряда трупосожжения почти полностью лишило исследователей костных остатков. Уже сейчас работами антрополога Г. Ф. Дебеца по маскам установлен смешанный тип населения Минусинской котловины начала н. э. с заметным формированием физического облика современных хакасов.

¹ K a r o, Minotaur; E b e r t, Reallexikon der Vorgeschichte, т. VIII, стр. 195.

² E - v a n s, The palace of Minos. London, 1921, т. I, стр. 701—703; Б. Л. Б о г а е в с к и й, Крит и Микены. Л., 1924, стр. 175—178.

³ Б. Л. Б о г а е в с к и й, Минотавр и Пасифая на Крите в свете этнографических данных («Юбилейный сборник С. Ф. Ольденбургу, 50 лет научной деятельности», 1934, стр. 95).

⁴ B. H e a d, Historia Numorum, 302, 311, 357, 384, 391.

⁵ B. H e a d, The coinage of Lydia and Persia («The International Numismata Orientalia». London, 1877, стр. 19—21, табл. 1, 7, 8, 12).

⁶ С. В. К и с е л е в, Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1935 г. (ВДИ, 1937, № 1); Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. (ВДИ, 1939, № 1).

Параллельно с изучением ранних усыпальниц в 1936 и 1938 гг. шло исследование древнехакасских каменных курганов на Уйбате¹.

Добытые при этом материалы позволили установить стадильную преемственность между древними культурами Хакасии. В связи с этим на очередь встала необходимость возможно более подробного исследования остатков кыргызской старины.

В противоположность древности многих народов, история кыргызов (хакасов) располагает значительным запасом сведений о хозяйственном быте широких слоев населения, но не их верхов. Обширные коллекции ряда музеев, и прежде всего Минусинского, хранят не мало памятников сельскохозяйственной и ремесленной культуры на Енисее в VI—X вв. Железные сошники местной выделки, китайские плуги, разнообразные виды серпов и кос, многочисленные жернова ручных вращающихся мельниц и остатки оросительных систем найдены во многих пригодных для земледелия частях Минусинской котловины. Изображения стад на поздних писаницах, остатки костей животных в могилах и разнообразие форм конской сбруи убеждают в наличии развитого скотоводства. Высокое состояние ремесла, и особенно кузнечно-оружейного и литейно-сбруйного, рисуют прекрасные изделия кыргызских мастеров, хранящиеся в музеях. Эти немые свидетельства прекрасно дополняются китайскими и, позднее, арабскими сообщениями о цветущем сельском хозяйстве и ремеслах хякядзе (кыргыз). По археологическим памятникам и из письменных источников мы узнаем и о торговых связях на западе и юге. Совершенно особую ценность имеют собственно кыргызские документы—орхоно-енисейские надписи, которые рассказывают нам о социальных группах кыргызского общества. Вместе с учетом более поверхностных сообщений китайских хроник это позволяет нам проникнуть в самые темные стороны социальных отношений в Кыргызском государстве. Однако очень многое остается еще невыясненным. Мы плохо знаем структуру кыргызского господствующего слоя, особенно его материальную культуру и идеологию. Не преувеличивая можно сказать, что мы лучше знакомы с древнехакасским кузнецом, чем с грозным ханом кыргызов, самым опасным соперником каганов орхонских тюрок. Недостаточно ясны и фигуры многочисленных бэгов, тарханов и других знатных кыргызов, чьи хвастливые эпитафии уже сорок лет как вошли в классическую тюркологическую литературу.

Необходимость исследования древнехакасских могильников, состоящих из каменных курганов, окруженных каменными стелами, давно уже осознавалась археологами. Однако несовершенство раскопочных приемов приводило к неудаче всех, кто пытался изучать кыргызские чаатасы. Рытье траншей или колодцем приносило исследователям непонимание памятника и сомнительную добычу в виде обломков высокогорных «кыргызских ваз» и отдельных железных принадлежностей сбруи и оружия².

Поэтому, когда еще в 1931 г. мы впервые осмотрели самый крупный из известных нам чаатасов около сел. Копен, стала ясной необходимость длительной подготовки на второстепенных памятниках.

В 1931 и 1932 гг. были выяснены рядовые мелкие могилы кыргызов при раскопках в Копенах и Теси на Тубе³. В 1935 и 1937 гг. аналогичные каменные курганы были раскопаны на Алтае⁴. Здесь впервые был обнаружен обычай тайников с драгоценностями в могилах или около них. Наконец, упоминавшаяся уже двухлетняя кампания (1936 и 1938 гг.) на чаатасе около ст. Уйбат впервые познакомила нас с устройством и обрядовостью довольно крупных древнехакасских курганов⁵. Стало возможным начало работ на чаатасе около сел. Копен. Это и было выполнено летом 1939 г. в X сезон Саяно-Алтайской археологической экспедиции.

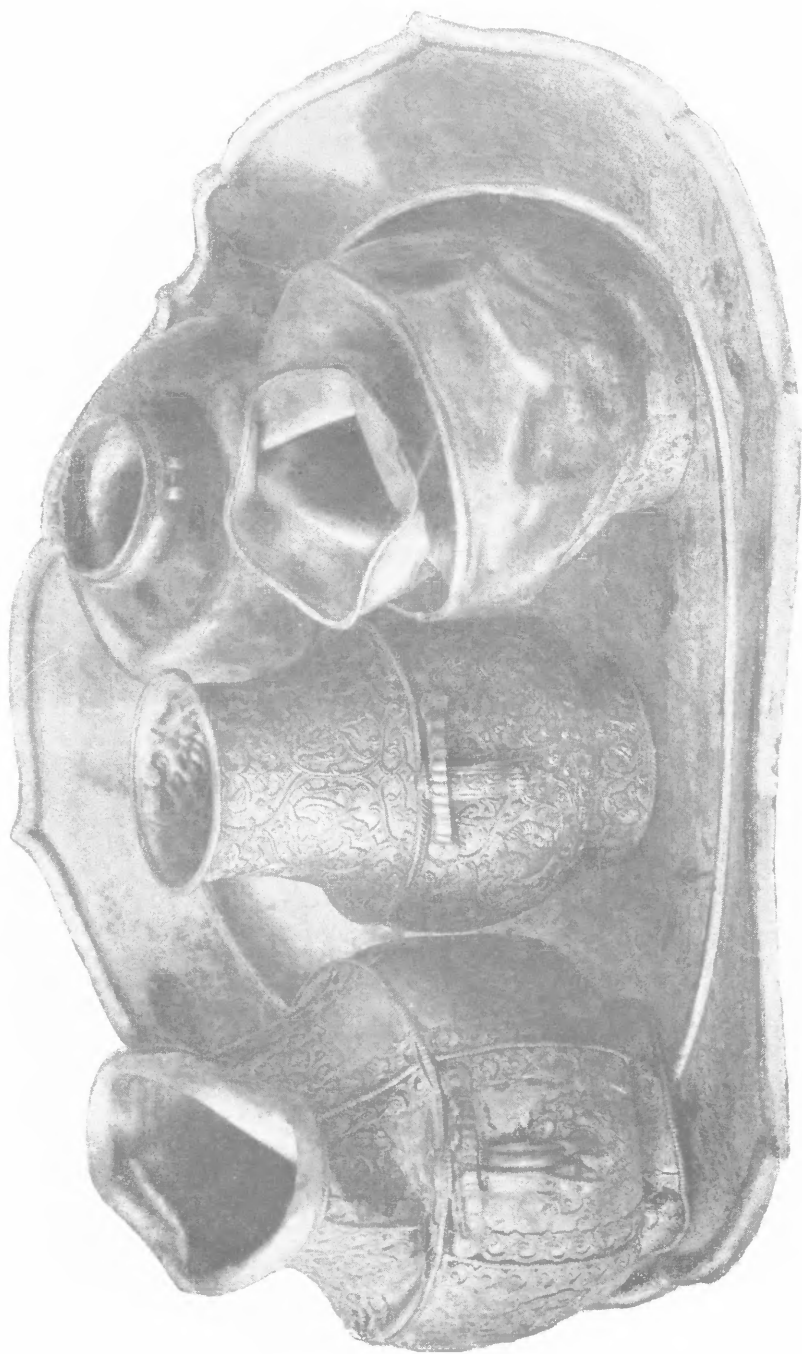
¹ Л. А. Евтюхова, К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее (Сборник статей по археологии СССР, изд. ГИМ, М., 1939).

² А. В. Адрианов, Выборки из дневников курганных раскопок. Минусинск, 1902—1924.

³ Л. А. Евтюхова, К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее.

⁴ С. В. Киселев, Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 года («Советская археология», I).

⁵ Л. А. Евтюхова, ук. соч.

Золотые сосуды на серебряном блюде из тайника 1, кургана № 2 (I₂ н. в.).

Копенский чаатас находится в 5 км к ЮЗ от села по дороге в районный центр сел. Боград, на возвышенности, с которой открывается широкий вид на долину реки Енисей и его притока речки Тесь. Могильник состоит из большого количества каменных курганов различных размеров, расположенных цепочками, протянувшимися с СЗ на ЮВ параллельно друг другу. Все пространство между курганами занято мелкими могилами, от которых остались одни рытвины грабителей. Изрыты и насыпи курганов. На некоторых имеются особенно большие ямы, иногда значительной глубины. На большинстве курганов врыты каменные стелы, все одинаково ориентированные узкими гранями на З и В. Первоначально они ограничивали четырехугольные площадки, отмечая их углы и середины сторон. На больших курганах по сторонам стояло по несколько стел. В настоящее время многие из них наклонились, упали, а то и совсем исчезли с курганов. По внешнему виду и размерам все курганы Копенского чаатаса можно разделить на три группы. Прежде всего это небольшие округлые курганы, диаметр их не превышает 5—8 м, высота 0,75 м. Значительно количество курганов средних размеров (до 20 м). Некоторые из них округлы, другие имеют овальный план. Высота отдельных насыпей достигает 1,5 м. Особую группу составляют большие курганы. Все они расположены в самой западной цепочке могильника. Шесть из них не только превосходят остальные размерами (диаметр 25—40 м), но и особым расположением—парами, таким образом, что северная половина первого из пары курганов сливается с южной половиной второго. Между собою все три пары разделены значительными промежутками. Каждый из парных курганов округл. Стелы имеются только на трех северных курганах. Южная пара и южный курган средней пары стел не имеют. Уже при осмотре бросилась в глаза особенность курганов средней пары. С западной стороны их насыпи имеют четырехугольный выступ, как бы «крыльцо», ведущее на курган. С этой средней пары курганов и было начато исследование (курганы № 1 и 2). Все курганы раскапывались с полным снятием всей насыпи, путем поквадратного удаления сначала восточной, а потом и северной ее половины. После удаления насыпи тщательно исследовался погребенный почвенный слой и все нарушавшие его углубления.

Первый курган (северный в средней паре) дал после раскопки насыпи ясную картину расположения стел по квадрату. Кроме того были обнаружены две стелы, выступавшие за черту западной стороны квадрата. Они образовали как бы «дверь», через которую, пройдя западный выступ—«крыльцо», можно было пройти в среднюю часть кургана. Оба погребения, и центральное и расположенное в северной части кургана, были ограблены одинаковым способом—грабители подрылись под край могильной ямы, когда покрытие еще было цело, и дочиата ее опустошили. Нам попадались только выброшенные из могил обломки «кыргызских ваз», кости домашних животных да кости нескольких взрослых людей. Последний факт особенно интересен в связи с тем, что в обеих ямах на дне мы обнаружили еще следы трупосожжения. Создалось впечатление, что основной покойник, для которого сооружался курган, подвергался кремации, но с ним вместе клали каких-то женщин и мужчин, не удостоившихся этого обряда.

Из находок этого кургана обращает на себя внимание астрагал барана со слегка срезанным основанием и нацарапанными сбоку в два яруса сверху шестью и снизу под двойной чертой двумя косыми крестами. Несомненно, здесь перед нами астрагал от игры с нанесенными на него счетными знаками. Подобные игровые астрагалы мы в большом количестве собрали в 1938 г. в богатых склепах времени около начала нашей эры на Уйбатском чаатасе.

Второй курган, не имевший стел, не был сложен по своей конструкции. В центральной его части была обнаружена вырубленная в скале овальная могильная яма, также ограбленная через ход, подрытый под южный край покрытия. Могила была пуста, а в выбросе грабительского хода были найдены кости людей и баранов, обломки глиняных сосудов, куски дерева и красного китайского лака. Там же была обнаружена массивная золотая поясная бляха, с тонким растительным ажурным узором.

Однако «окрестности» могильной ямы при исследовании погребенной почвы дали неожиданно богатейшие находки. В 30 см к западу от середины западной стенки могилы

Рис. 2. Золотой сосуд с надписью на дне
($1\frac{1}{2}$ н. в.)

Рис. 3. Золотой куешин ($1\frac{1}{2}$ н. в.)

под небольшой плиткой девонского песчаника было открыто небольшое в 30 см углубление, в котором оказалось серебряное позолоченное блюдо, сильно обгорелое с нижней стороны, и поставленные на него четыре золотых сосуда (рис. 1). Два из них не были орнаментированы, но на дне их были начарапаны орхоно-енисейские надписи.

Первая надпись (на сферическом сосуде рис. 2) по предварительному исследованию выглядит так:

ЧДКТАІДНУ:YNУСА

Т р а н с к р и п ц и я

bağlı (следует i) kâ kûmûş bārtimiz

П е р е в о д

бэгству (т. е. бэгам) серебро
мы дали.

Обращает на себя внимание наличие слова «серебро» на чисто золотом сосуде. Здесь может быть два решения. Или некогда найденный нами золотой сосуд как наиболее ценная вещь «возглавлял» большое количество серебряных изделий, подносившихся бэгам, или здесь перед нами наименование «серебром» наряду с определенным металлом и других ценностей, идущих в уплату, в дань, в дар. В таком значении «серебро» выступает в древности в различных языках неоднократно.

Вторую надпись (на помятом гладком сосуде) разбираем:

УЛМ(У)УАУ

Т р а н с к р и п ц и я

^alt^u on ^aš ^aγ^u ^acⁱn

П е р е в о д

«шестнадцать кушаний дар Ача»,
т. е. «народа Ач» — одной из ветвей
кыргызов, обитавшей между Июсом

и Уйбатом, как раз там, где расположен и Копенский чаатас. Это первый случай находки сосуда с надписью, несомненно сделанной в том же районе.

Третий сосуд, поставленный на середине блюда,—кувшин с ручкой. Он совершенно цел и сплошь покрыт чеканным рельефным орнаментом (рис. 3).

В верхнем поясе растительный узор с цветами образует ряд медальонов, в которых помещены фантастические птицы-грифоны, держащие в клюве схематическое изображение рыбы. В нижнем поясе грифоны с рыбой помещены не только в медальонах, но и между ними вверху и внизу. Полоса растительного орнамента украшает также поддон кувшина. Ручка его, характерной формы, имеет на верхнем щитке чеканное изображение двух грифонов, держащих в клюве ромб. Ниже ромба между ними в рельефной оправе помещен темносиний камень (рис. 4). По форме своей этот кувшин целиком совпадает с той значительной уже теперь серией серебряных кувшинчиков, которые найдены в курганах и могильниках Сибири. На днищах они имеют орхон-енисейские надписи. Но ни разу не попадались среди них столь богато орнаментированные экземпляры. Орнамент и по технике своей и по характеру растительного узора весьма своеобразен. Жесткий рельеф, резкая обработка резцом подчеркивают самобытное искусство художника. Но вместе с тем, основной мотив—грифон, держащий рыбу, несомненно, является близким одному из самых распространенных орнаментальных элементов сасанидской декорации¹. Однако и здесь оказывается особенность.

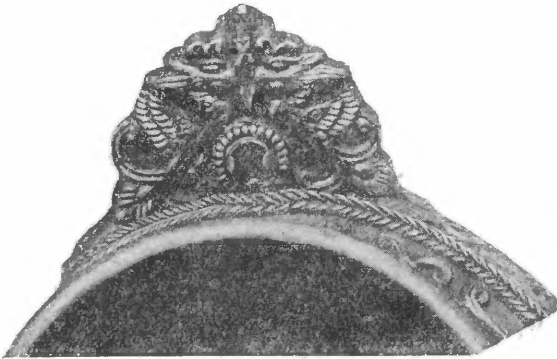

Рис. 4. Деталь ручки кувшина
(¹/₁ н. в.)

Рис. 5. Золотая бляшка
с грифоном (увеличено)

Вместо мирной птички сасанидского металла мы видим ушастого грифона, этот излюбленный сюжет кочевнического искусства степей Европы и Азии еще со скифской поры. Этот же грифон узнается и в скромном завитке кнопки на ручке.

Четвертый, крайний кувшин украшен накладным (напаянным) орнаментом, выполненным в гораздо более мягкой манере. Особый интерес здесь представляют овальные щитки, расположенные по горлу и тулову сосуда. Их ажур образует сложное сплетение «ветвей», между которыми в центре помещены рожками вверх полумесяц. Над ним распустился цветок. Этот мотив также встречается в иранской орнаментике². Однако и на этом сосуде, еще в очень архаической форме, как бы сошедший с позднесарматских вещей, сохранился на ручке сокол-грифон.

Таким образом, в обнаруженных нами сосудах из первого тайничка второго кургана приходится видеть изделия, тесно связанные с иранской художественной традицией сасанидской эпохи, но в то же время имеющие особый отпечаток фантазии и вкусов степного мастерства. С драгоценностями первого тайничка тесно связана и другая находка второго кургана.

В углу, образуемом южной стенкой могильной ямы и западным краем грабительского подклопа, также в небольшом углублении, был найден истлевший узелок из кошмы

¹ «Восточное серебро», табл. VI, XII, рис. 102; XIII, рис. 105; XV, рис. 113; XVI, рис. 111.

² «Восточное серебро», табл. CXII, рис. 288.

и в нем различные украшения сбруи, частично испорченные огнем. Среди них большое количество бронзовых наременных бляшек обычных форм VII—IX вв. и ворворки для сбруйных кистей. Особую группу составляют крупные бляхи из низкопробного серебра, на которых пунктирной чеканкой нанесены изображения цветов. Весьма сходные с этими бляхи до настоящего времени служат хакасам излюбленными украшениями сбруи. Вместе с бронзовыми и серебряными бляхами лежали и золотые. Их орнамент перекликается с орнаментацией сосудов первого тайника. На одной бляхе изображен грифон, держащий в клюве рыбу (рис. 5), на других—рыба, за которой следует птица. Сложный узор образуют на большой бляшке две птицы, скрестившие шеи. К этой же серии по орнаментации примыкает лежавший тут же массивный золотой диск (рис. 6). Он побывал в огне и был, кроме того, намеренно согнут пополам. Раньше он был использован, повидимому, как нагрудник коня, причем для привязывания его он был варварски пробит посередине и в одном месте с краю. Этот предмет представляет шедевр ювелирной техники. Его растительные и другие орнаменты

Рис. 6. Золотой нагрудник (1/2 н. в.)

выполнены не в сухой манере глубокой чеканки кувшина, но тонкими, изящными линиями гравировки, с заполнением всего фона издавна излюбленным китайскими мастерами чешуйчатым узором. На китайские же влияния указывают и облака под ногами птиц—павлинов, парами помещенных в медальонах среди растений и цветов. Сами птицы входят все в ту же серию, что и птицы-грифоны кувшина и бляшек. Стоя друг против друга, они держат клювами тот же ромб, что и грифоны на ручке кувшина. Такой же ромб держат птицы на одной иранской чашечке, которую исследователи склонны включать в сасанидскую серию, но которая также отличается несомненными китайскими веяниями и в легкости орнамента и в применении чешуйчатого узора¹.

Краткое описание только что найденных драгоценностей из второго кургана Копенского чаатаса знакомит нас с неожиданно сложным и по технике и по замыслу прикладным искусством, в котором мощные струи сасанидского Ирана переплетаются с мотивами и приемами китайских ювелиров и древней художественной традицией кочевых народов азиатско-европейских степей.

Вместе с тем, перед нами во всем блеске встает быт богатой кыргызской (хакасской) знати, окружавшей себя шедеврами степного ювелирного искусства. Перед археологами северной Азии встает задача выяснения тех художественных центров, в которых это искусство создавалось.

¹ Восточное серебро», табл. XV.

Не менее сложные вопросы подняли и находки в других курганах Копенского чаатаса¹.

В завале грабительских раскопок к. № 5 была найдена бронзовая пластинка, оканчивавшаяся частью рельефа, изображавшего всадника на коне. Уцелела только часть груди коня с ногой, вытянутой в галопе, седельный ремень с кистями и мягкий сапог ноги всадника в стремени. Но даже этот фрагмент живо напомнил знаменитые рельефы серебряных сасанидских блюдов.

К счастью, вскоре мы получим возможность рассматривать целые изображения. Курган № 6—северный из наиболее северной пары больших курганов главной цепочки. Он имеет несколько удлинненный с С на Ю овальный план. Длинный четырехугольник образуют стоящие на нем стелы, причем уже до раскопок можно было заметить, что четырехугольник был разделен на 3 части стелами, стоящими по средней оси насыпи. Такое тройное деление в дальнейшем подтвердилось. При исследовании насыпи встречались выброшенные из могил кости баранов, коров, лошадей и людей. Была найдена двойная железная пластинка с вырезами, которая могла служить оболочкой механизма внутреннего замка сундука или шкатулки. После удаления насыпи оказалось, что могильные ямы расположены в крайних, северной и южной, частях кургана. Средняя же часть казалась пустой. Обе могильные ямы выделялись здесь своими размерами. Они были подквадратными и имели по сторонам свыше 3 м. Глубина их также оказалась значительной. Почти на 2 м были они вырублены в скале, которая здесь начиналась, близко от древнего растительного слоя.

Особенностью обеих могил были их сильно обожженные стены. Их камень от огня весь растрескался и приобрел ярко-красный и даже оранжевый цвет. Повидимому, перед погребением в яме был сожжен большой костер. Этот «пожар» содействовал сохранению деревянных частей погребального сооружения, дошедших до нас в обугленном состоянии. Оказалось, что по низу каменные стенки могил были обставлены деревянными столбиками, высотой в 0,5—0,6 м. Эту особенность мы уже встречали в могилах кыргызского времени.

В некоторых рядовых могилах около сел. Тесь и в каменных курганах на Уйбатском чаатасе уже были обнаружены аналогичные столбики по стенам. Дважды эти столбики оказались обожженными. Мы видим в этом обычае реминисценции древнего ритуала сожжения погребальной камеры после ее заполнения, господствовавшего в таштыкскую эпоху (II в. до н. э.—IV в. н. э.) и бывшего причиной того, что все конструкции погребальных склепов степной таштыкской знати на Уйбатском чаатасе хорошо сохранились до настоящего времени.

Обе могилы кургана № 6 были ограблены начисто. Золотая серьга, несколько бляшек, обломки посуды и кости людей, целые и сожженные,—вот все, что было в них найдено. Зато изучение средней части кургана дало результаты, превзошедшие даже самые смелые ожидания.

При снятии насыпи здесь обнаружили углубления, заполненные камнями. В них были найдены отдельные кости животных, и в одной из них—сожженные кости и грубо сделанный сосуд.

В результате сплошного исследования погребенного почвенного слоя удалось обнаружить еще два углубления, остававшихся незаметными при зачистках горизонта.

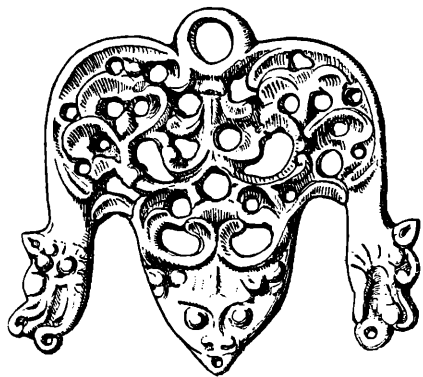

Рис. 7. Бляха сбруйного набора из кургана № 6 (1½ н. в.)

¹ Небольшие курганы № 3 и 4 оказались основательно ограбленными и, кроме обломков кыргызских ваз и остатков трупосожжений и трупоположений, не дали никаких находок.

Оба были расположены на одной З-В линии, проходящей сразу же к югу от стел, отграничивающих северную часть кургана от средней.

Одно углубление (восточное) оказалось тайником, наполненным одними вещами. Во второй, западной ямке были обнаружены вместе с узелком вещей остатки трупосожжения. Среди жженных костей были найдены золотые бляшки, пуговица, серьга и обломок сильно оплавившегося браслета из массивного золотого прута с расширяющимися концами. Но основное заключалось и здесь в узелке.

В обоих углублениях были найдены примерно одинаковые по своему составу наборы сбруйных украшений и принадлежностей. Наремненные бронзовые бляшки и обоймочки, бубенчики, железные стремена и удила и по орнаменту и по форме представляли собой обычные типы VII—VIII вв. Заслуживает быть отмеченным наличие в восточном тайнике бронзовых стремян, насколько нам известно, впервые встреченных в могилах Сибири. Различия в наборах подчеркивают лишь бляхи, подвешивавшиеся к седельным ремням. В западном тайнике это овальные позолоченные щитки, на которых в китайской манере изображена пара готовых броситься друг на друга хищников. В восточном тайнике это ажурные бронзовые бляхи с тремя выступами вниз

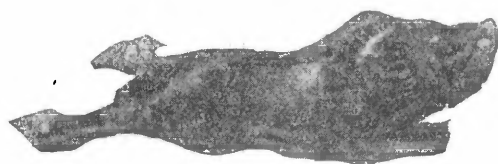

Рис. 9. Дикий кабан, убегающий от всадника (1¹/₁ н. в.)

(рис. 7). Средний выступ подтреуголен и имеет вид кошачьей морды. По своему типу эта личина очень близка к изображениям поздней тератологии вплоть до бронз Гнездовских курганов. Совершенно иначе трактованы два других выступа. На них изображены головы оскалившихся хищников, точно воспроизводящие скульптурную схему, широко применявшуюся в Минусинском крае для

украшения тагарских бронзовых ножей в I тысячелетии до н. э. Совпадение здесь не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами еще одно, и, может быть, наиболее яркое указание на глубоко местное происхождение культуры енисейских кыргызов.

Однако самым замечательным в составе обоих наборов были рельефные бронзовые бляхи, развернувшие перед нами как бы ожившие сцены сасанидских блюд. В каждом тайнике было найдено по два набора этих блях—правый и левый. Они состояли из примерно одинакового количества изображений, штампованных из бронзовой тонкой пластинки и доработанных резцом и зубчаткой.

Центральной фигурой всех четырех наборов является скачущий на пушенной в галоп лошади всадник (рис. 8). Прекрасно передано седельное убранство коня с бляхами и кистями, чепрак под седлом, уздечные ремни. Можно различить даже псалии от удили. Всадник безбород, с длинными волосами, стянутыми повязкой. Он одет в кафтан, перетянутый поясом, и в мягкие сапоги. На поясе висит расширяющийся книзу колчан со стрелами и слегка изогнутый меч. Всадник повернулся назад и стреляет из лука, очевидно, в разъяренного тигра, страшное изображение которого является второй, наиболее крупной бляхой каждого набора. Вокруг, спасаясь от всадника, бегут пятнистые барсы, горные бараны, лани, зайцы, дикие кабаны (рис. 9). Особые бляхи передают грибообразные деревья и поросшие лесом горы. Все бляхи когда-то маленькими заклепками были прикреплены к какому-то не толстому, но довольно плотному материалу фона. Их количество и размеры заставляют сомневаться в возможности размещения их на передней луке седла, подобно охотничьим сценам знаменитых костяных обкладок из Кудыргэ (Алтай)¹. Скорее следует размещать наши фигуры на кожаном верхе чепрака, площадь которого была вполне достаточной для всей многоперсонажной композиции.

Сцены, составляющиеся из наших рельефов, имеют ближайшую аналогию в изображениях на сасанидских блюдах. Они только объединяют на одном «полотне» два сюжета,

¹ С. Руденко и А. Глухов, Могильник Кудыргэ на Алтае («Материалы по этнографии», т. III, вып. II, стр. 48—49).

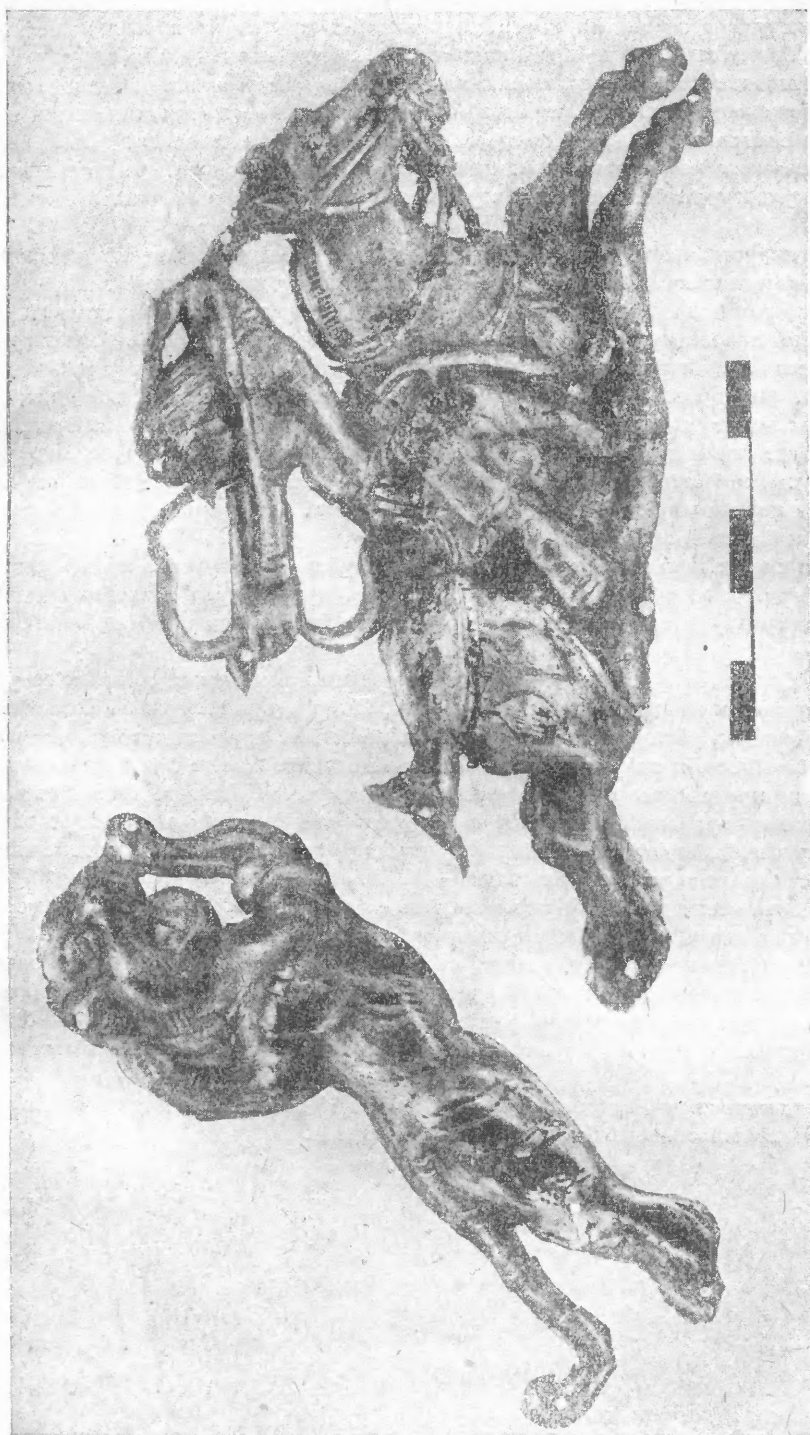

Рис. 8. Всадник и тигр (V/VII н. э.)

которые из-за недостатка площади на блюде даются иранским художником разоб-щенно: сцену борьбы стреляющего всадника-царя с напавшим на него сзади огромным львом¹ и сцену преследования царем, вооруженным луком, различных животных². Отдельные персонажи, все эти барсы, лани и горные бараны, также и по составу наборов и по трактовке отдельных деталей весьма близки к действующим лицам изображений сасанидского серебра³ и скальных рельефов Ирана. Особенно в этом отношении интересен Так и Бостан, где в знаменитом гроте Хозроя II (статуя которого, единственная из всех известных нам сасанидских изображений, имеет колчан, расширяющийся книзу) на скульптурах боковых стен переданы сцены придворной охоты на тех же зверей⁴.

Однако пристальное изучение и сравнение наших находок с их иранскими параллелями обнаруживают и значительные различия между ними. Нигде мы не встречаем той необычайной силы реализма, которая господствует в открытых нами изображениях. Они наполнены наблюдательностью и непосредственностью художника-варвара, степняка, который создает зверей и людей, наделяя их необычайной экспрессией. Между тем, иранские рельефы торжественно-иератичны, все движения действующих лиц заранее обдуманы, манерны. Это касается не только изображений на серебре, где торжественность подсказывается церемониальным назначением драгоценной посуды, это остается в силе и для скальных рельефов и даже таких из них, как боковые картины грота Так и Бостана, в которых, несомненно, обнаруживается стремление к большей простоте, к жанру.

В связи с этим приобретает интерес более углубленное изучение нашей фигуры главного тигра. Его квадратная голова и все тело, мускулатура которого передана обобщающими выпуклостями, уводят нас далеко на Восток, к традициям китайской скульптуры.

Таким образом, и здесь, как и при рассмотрении орнаментики золотых сосудов второго кургана, мы встречаемся с искусством, которое, при всей своей близости к иранским образцам, обнаруживает не только знакомство с другими художественными центрами (Китай), но и силу творческого их преодоления. Вместе с тем сохраняются традиции того прекрасного степного «звериного» искусства, которое господствовало у племен азиатско-европейских степей в предшествующую скифо-сарматскую эпоху и которое, как показывают рассмотренные выше ажурные бляхи, было еще действительно для художественных вкусов кыргызов VII—IX вв.

Дальнейшие исследования должны открыть нам те художественные центры степного мира, где создавались найденные нами произведения.

Для нас описанные находки, помимо своего художественно-исторического значения, важны тем, что проливают яркий свет на культуру, быт и вкусы древнекыргызской аристократии, созданные на окраине степного мира благодаря тому, что бэгам постоянно «давали» эксплуатируемые Ач, Большар и другие племена древних кыргызов.

Нужно надеяться, что продолжение раскопок на Копенском чаатасе позволит еще яснее увидеть прошлое хакасского (кыргызского) народа.

Л. Евтюхова и С. Киселев

¹ «Сасанидский металл», табл. 3 и 6.

² Там же, табл. 5, 9, 13; «Восточное серебро», XXIX, XXXI.

³ См. указанные изображения и «Восточное серебро», CXXII.

⁴ F. Sarre und F. Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*. Berlin, 1910, табл. XXXVII, XXXVIII, XXXIX.